

Алморраер

В. М. Л.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

18

**Вологда
2002**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	5
В. Шагинов, В. Серков, Н. Бушенев и др.	5
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Звонкое имя	10
М. Полетова	18
ИЗБРАННОЕ	23
Валерий Клебанов	23
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	24
В. И. Белову — 70 ЛЕТ	25
Белинский в Вологде	25
О. Кузнецова	26
Книжная полка	27
КОРОТКАЯ ПРОЗА	28
Первый лауреат	28
Александр Дубинин	28
Звездные мысли	28
Вячеславу Белкову — 50 ЛЕТ	30
«Балаган» (продолжение)	30
ГРАФИКА	41
Леониду Щетневу 60 лет	41
Вера Багрецова	42

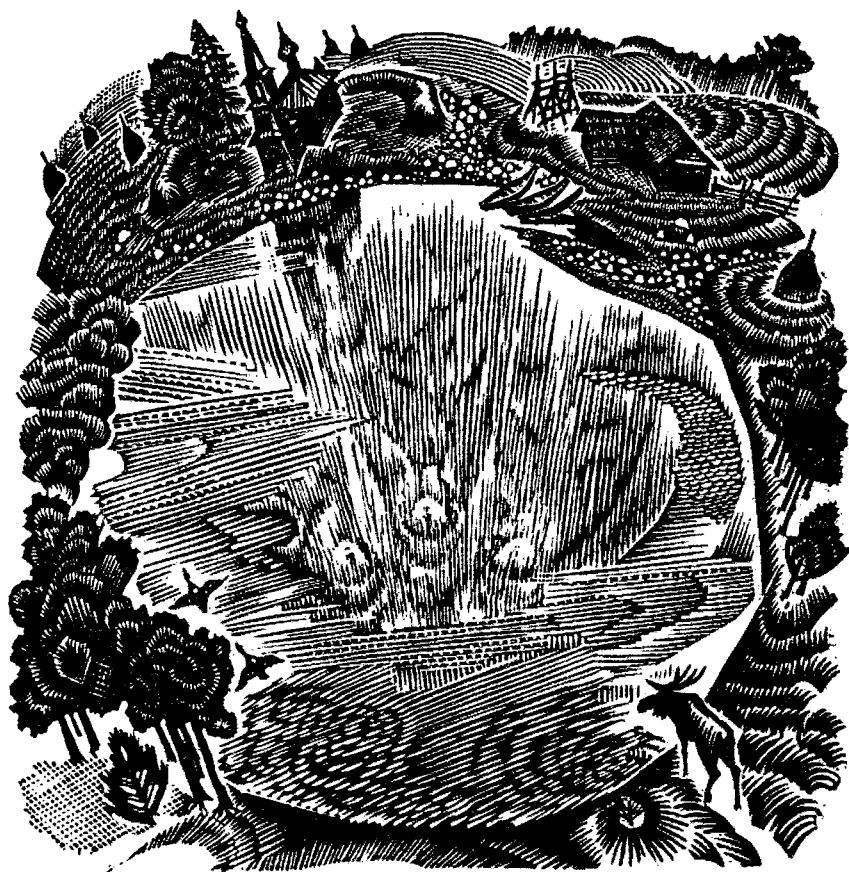
ПРЕДИСЛОВИЕ

Журналу «Автограф» исполнилось ровно 5 лет! За эти годы он опубликовал стихи и прозу Ю. Максина, А. Пошехонова, А. Грязева, В. Белкова, А. Широглазова, А. Швецова, В. Мурина, А. Шадринова, В. Кудрявцева, А. Цыганова, Е. Саблиной, А. Смолина, Н. Усанова, Ю. Богословского, А. Сидоренко, А. Русанова, В. Поповой, М. Полетовой, В. Хлебова, Т. Хрыновой, Л. Тепловой и многих других. Было несколько интересных новых публикаций о Рубцове, Рильке, Есенине, Северяnine, Башлачеве... Может быть, «Автограф» — единственное издание, которое так широко знакомит вологжан с творчеством авторов из Череповца, Сокола, Грязовца и других мест. А расходится журнал тоже достаточно широко — в Москве и Устюжне, Вологде и Череповце, в Питере и Соколе, в Грязовце и Сочи.

За эти пять лет журнал показал графику многих вологодских художников — Бурмагиных, В. Сергеева, Л. Щетнева, Д. Медведева, Е. Лебедева, Е. Шиперова, В. Шагинова и других.

Не забывает журнал и писателей-юбиляров. В этом номере — это прежде всего 70-летний юбилей Василия Белова.

Мы поздравляем сегодня всех читателей и верных друзей нашего журнала и надеемся на новые встречи. Привет М. А. Полетовой, М. М. Казанской, В. В. Соколову, Н. Б. Шиловой, З. И. Дубининой и другим!

Стихи последних лет

Василий КОЗЛОВ

лауреат премии «Звезда полей»

* * *

Я шел извилистой тропею.
Порой не знал куда идти,
Пока дорогой столбовою
Не обернулись все пути.
В том, что мучителен и длинен
Был путь незнания моего,
Не воздух родины повинен,
А те, кто отравил его.

г. Иркутск

Аркадий КУТИЛОВ

(1940—1985)

ПЛЕН

Край подушки слезами
 залюстан,
в злобе тягостной щерится рот,
на душе по-осеннему пусто,
только сивер танцует фокстрот...

Но! — слезятся барачные стены!..
Но! — сугробы страдают
 от ран!..

Ручейки, будто вскрытые вены
голубых чистокровных дворян.

Но! — свистит на заборе
 пичужка!..

Но! — сосульки звенят
 допоздна!..

У конвойного — морда
 в веснушках...

Значит, там,
 на свободе,
 весна!

Валентин ШАГИНОВ

* * *

Под глазами круги,
 как на старой иконе,
Аскетически строгий,
 задумчивый лик.

У меня, безусловно,
 старинные корни, —
Я простой вологодский мужик.

Я люблю этот край
 необъятный, лесистый.

Я к просторам его
 ещё в детстве привык.

Я люблю деревенский
 свой дом неказистый,

Я простой вологодский мужик.

И пишу я стихи,
 и рисую пейзажи,
Воспеваю свой край много лет.

И грущу, и ропщу,
и ругаюсь я даже,
А родней вологодчины нет.

Юрий МАКСИН

* * *

В. К.

Обрушу груз
пустых тревог,
как вешний снег,
нависший с крыши.
Напьюсь вина,
как юный бог,
пока жена и дочь
не слышат.

Со мной ни лампы,
ни звезды.
Просвечивая
еле-еле,
блестит окно,
как слой слюды,
как темный свет
в конце туннеля.

Я напишу письмо
судьбе,
скреплю его вином
и кровью
и, может быть, пошлю
тебе
за все хорошее,
с любовью...

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

Любовью, только ею
Наполнена земля.
Нет ничего милее,
Чем этот лес, поля
И озеро в короне
Умельца сентября,
Чьё сердце не затронет
Талант золотаря?
И дождь — как божья милость,
И солнце — благодать...
Нам не вчера приснилось
Любовь к земле предать.
И злобимся в соблазнах,
Не смыв иудин грех,
Фальшиво-несуразны
В век призрачных утех...
А красота и воля,
Ниспосланные зря,
Живут, как жили, в поле
И в чашах сентября.

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Вот и лето твоё ушло.
Вот и зелень на нет. Ну что ж...
Монотонно и тяжело
затянул свою песню дождь.
Пусть кудесники-сентябри
в ярком трауре хороши,

* * *

Атмосфера тупости, тлсения
Неозомбившегося злит.
Где учителя откровения?
Кто поймёт и кто окрылит?..

**Татяна
ЛАВТАКОВА**

* * *

Я с другими прощаться училась,
Чтобы в час расставанья
с тобой
Мне хватило бы духу и силы
Не упасть, и остаться собой.

Расставаясь, тебя не теряю,
Рукописные сны не горят,
Поселюсь в голубиную стаю,
Где всегда о любви говорят.

Я из песни не выну и слова,
Хоть полыни полны те слова,
Вспоминать буду снова и снова,
И кружится опять голова.

Не расстаться — я этому рада,
В книгу жизни наш вписан роман.
В том и счастье, в том и отрада,
Нет разлуки — разлука обман.

Сергей КЕСАРЕВ

* * *

Друзей далёких лица,
И вереница дней.
А по ночам не спится,
И боль зубных корней.
Вот если бы напиться,
Но выше здравый смысл.
Я пьяный стану злиться,
А утром встану кисл.
Мне в детстве, помню, сказки
Рассказывала мать.
И с материнской лаской
Укладывала спать.
Там было беззаботно,
Тут стыло и понуро.
А утром на работу.
Бессонница — ты дура.

г. Грязовец

Виталий СЕРКОВ

Виталий Геннадьевич Серков родился в 1956 году на Вологодчине. Окончил в 1979 году Ленинградское военное училище железнодорожных войск и военных сообщений. В 1995 году испол-

нял обязанности коменданта железнодорожной станции Червлёная в Чечне. Автор сборников «Свет памяти», «Соборные звоны», «На кресте» и «Звёзды и листья».

* * *

«С деревьев падают следы
На наши тени голубые».
(Александр Соловей)

Я равнодушен был к молве,
Гласившей: лопнул мир
наш древний.
Погоревал минуты две
И пошагал на голове,
Следы оставив на деревьях.

И видел: падала вода,
В листы на воле превращаясь.
Они летели в никуда
Сквозь листья, корни и года,
В моем сознании вращаясь.

Фонтаны спрятав в рукава,
Их завязав в узлы тугие,
Я слышал: шепчет мне трава:
«Поберегись, летят дрова
С Земли в галактики другие.

К трубе подвесив парашют,
Дома летят к далеким звездам.
Все изменил какой-то шут...»
И тут меня объяла жуть:
Ведь мною хаос этот создан.

СЮРРЕАЛИЗМ

«...Окунаться в соленые мысли
Переплясом натянутых скульп...»
(Александр Соловей, из книги
«Под голубыми листьями небес»)

Скульпы бросились в пляс под игру
неоформленных мыслей.
Отбивая чечетку, большими
зубами стуча,
Челюсть видела: уши сидят
на цветном коромысле,
Барабана со страху и мочками
мелко суча.

И мозги шевелились у сердца,
в нагрудном кармане ---
Видно, прятали там от читателей
глупых грехи.
Все казалось реальным в сыром
и соленом тумане,
И, незлобно смеясь, написал я
об этом стихи.

О ДУЭЛИ

«...В пушкинские времена Г. К.,
вероятно,
вызвал бы Вас на дуэль...»
(из письма пародируемого автора)

Я отдыхал под старой елью,
Но обожгло меня догадкой:
Ведь мне давно грозят дуэлью,

ИСПОВЕДЬ ПРИЗРАКА

Любил я игрища на льдине.
Они взбодрить умели кровь.
Мне доказать хотелось Дине,
Что зря она кобенит бровь.

СТАРОСТЬ — НЕ РАДОСТЬ

[illegible]

В мире Рубцова

Вячеслав БЕЛКОВ

ЗВОНКОЕ ИМЯ РУБЦОВ

1. Письма читателей

Довольно много читательских писем получил я за последние годы, и примерно половина их — о Николае Рубцове. Это письма-вопросы, письма-размышления, даже исповеди...

Да, звонкое имя Рубцов привлекает сегодня тысячи людей из самых разных мест — из Москвы и Приморского края, из Питера и Минска, из Оренбурга и Нижнего Новгорода, из сел и деревень, и прежде всего, конечно, из всех уголков нашей Вологодской области.

Многие читатели пишут не только о любви к поэзии Рубцова, но и о том, как они открывали для себя поэта. Иногда это было постепенное узнавание, вчитывание, но чаще — неожиданная и яркая встреча с поэтическим миром Рубцова. Впрочем, бывают и совсем редкие случаи, даже странные, я бы сказал. Вот строки из одного свежего письма, от барда, почти сверстника Рубцова: «Как и многие городские барды, я воспитывался на песнях Окуджавы и Высоцкого. Хотя моим любимым поэтом был Есенин. Впервые имя Рубцова я узнал только в 1987 году (песня «В горнице»)». К сожалению, я долго считал, что после С. Есенина у нас нет песенных русских поэтов. И вот три года назад я спохватился, перечитал сборники стихов Рубцова... Уже три года мы проводим вечера-концерты памяти поэта...» (Ю. Кириенко, Москва). Остается добавить, что теперь-то у автора письма и его друзей немало песен написано на стихи Рубцова. И Есенина тоже.

Теперь другое письмо. Тоже из Москвы. Его стоит процитировать рядом с первым: «Вас удивляет, что “в Москве почти нет людей, плотно изучающих Рубцова”. На мой же взгляд, в этом нет ничего удивительного, так как Рубцов — не столичный поэт, а национальный. Откуда же в Москве появятся исследователи... Им же наплевать на чаяния народных, а следовательно и на выразителя этих чаяний и глубинных переживаний русского человека. Вваливайте все на себя, несите сами этот тяжелый, но ответственный груз!..» (Л. Горовой).

Конечно, в последние годы и в Москве появились исследователи жизни и творчества поэта (я уж не говорю о таких выдающихся литературоведах как Вадим Кожин, автор первой книжки о Рубцове, и Михаил Лобанов). Но читатель во многом прав, и уж спорить с ним тут вовсе неуместно.

Еще несколько коротких цитат из писем, без комментариев:

«В Оренбурге Рубцова читают и чтут — те, для кого русский язык не только знаковая система» (В. Кузнецов).

«Рубцов — великий русский поэт... Мы составили сценарий по его биографии и творчеству, выступили в библиотеке. Распространяем все вологодские материалы о поэте — множим на ксероксе и раздаем любителям, друзьям...» (З. Дубинина).

«В Симферополе меня поверг в изумление один мой товарищ, который не только знал, кто такой Рубцов, но и сходу процитировал что-то из его стихов...» (В. Поваляев, Киев).

«Желаю успехов в дальнейшей работе над разгадкой тайны Н. М. Рубцова. А я работаю над образом Рубцова в живописи.» (Н. Переслегина. Москва).

Часто пишут люди, побывавшие когда-то в Вологде, или жившие раньше в наших краях. Например, А. Невежин из Одессы: «Детство и юность мои прошли на Вологодчине... Что касается поэзии Рубцова, она моя неизбывная любовь. И Вы правы: Рубцов и Вологда — неразлучны...» Иногда наши бывшие земляки становятся бескорыстными пропагандистами поэзии Рубцова, ведут поиск публикаций, материалов о поэте. Именно таков Алексей Васильевич Антуфьев, живущий ныне в Петербурге. Он разыскал несколько неизвестных фотографий Рубцова, другие документы. И всё это вместе с новыми рубцовскими книгами передает в первую очередь в музей Рубцова в деревне Николе. И еще одно важное дело сделал А. Антуфьев — на свои средства издал приличным тиражом книжку стихов поэта «Волны и скаль», ту самую, которая при жизни Рубцова существовала лишь в шести экземплярах в машинописном виде. К сожалению, такие деяния, такие поступки наша пресса редко замечает...

Такие же энтузиасты-рубцовцы живут и в других местах — В. В. Попова в Череповце. З. И. Дубинина в Артеме Приморского края, Д. А. Ширяев в Нижегородской области, несколько человек в Вологде,

М. А. Полетова в Москве (о ней можно целую статью написать)... Актриса-москвичка Людмила Голубкова подготовила большую поэтическую программу по стихам Рубцова и выступает с нею в разных аудиториях. Я бы мог назвать и многих других людей, с которыми я связан через письма.

И вот сейчас перехожу, может быть, к самым удивительным строчкам читательских писем, к прозрениям, которые встречаются не так уж редко. Недаром же Россию раньше называли самой читающей державой. Да и сейчас она не лыком шита.

Начну с одной коротенькой фразы: «Рубцов — поэт гениальный и очень русский» (А. Плотников. Моск. область). Сходная мысль встречается не раз и не два. И вот что удивительно: эта мысль о национальной сущности поэзии (шире — искусства) долго была у нас под запретом. То, что мог сказать Белинский или Гоголь, советский искусствовед не мог себе позволить. А многие и не хотели. А вот читатели — видите! — в последние десятилетия своим умом до этого дошли. Отмечу, кстати, что лет сорок назад Александр Яшин одним из первых заговорил о национальном своеобразии в литературе. И недаром же именно Яшин в «темные» 50-е годы поднял свой голос в защиту Сергея Есенина, русского гения.

Но вернусь к письмам. Одно удивительное письмо получил я из Вологды. Прочитую его с небольшими сокращениями: «Здравствуйте, Вячеслав. Простите, не знаю вашего отчества. Спасибо Вам за биографию Рубцова, а особенно за стихи «Расплата» (я опубликовал в газете ранний полный вариант этого стихотворения). Я всегда думала, что Рубцов парень хороший, и не ошиблась. Никакой он не забулдыга и не пьяница, как хотят некоторые его представить... Просто из-за его характера ему не везло... Я сама воспитывалась в детдоме и тоже в анкетах писала, что у меня никого нет, потому что от родственников отвыкаешь и они кажутся тебе такими же, как и все посторонние люди...» (какое верное и грустное замечание! — В. Б.)

Автор этого письма Градислава Тетерина, и я привожу заключительную ее мысль; «Без сомнения Рубцов был пророк не только потому, что напророчил свою смерть, но и в стихах «Расплата»:

О, печальное свойство в крови!

Не скажу ей: «Любимая, тише».

Я скажу ей: «Ты громче реви!»

Что-то плохо сегодня я слышу!»

Все равно не поверит она.

Всем поверит, но мне не поверит...»

Я нарочно расширил стихотворную цитату, чтобы читателям было понятней, о чем идет речь. Г. Тетерина очень точно уловила, что в «Расплате» Рубцов как бы вообще приблизился к разгадке тайны человеческой жизни. Трагедия жизни и начинается с этого «печального свойства в крови». Перечитайте еще «Полночное пенье», «Весна на берегу Бии» и некоторые другие стихи. Да, глубоко заглянул поэт в тайну жизни, и читатели это почувствовали, и полюбили этого смелого человека с таким звонким именем — Рубцов.

Один из читателей прислал мне свое стихотворение. Позднее оно вошло в книги:

Когда под гнетом тяжкого застоя

Печальным стало Родины лицо.

Когда в стране забыли все святое, —

Пришел в ее поэзию Рубцов...

(А. Колесов)

Есть и другие стихи в письмах, есть советы, предложения. Иногда читатели помогают фактами. «О Николае Рубцове поговорим при встрече. Знаю, что он был в конце лета 1968 года в Тотьме, проездом. В то время я училась в лесотехническом техникуме...» (В. Козлова). «У нас в литинститутском общежитии была кастелянша по имени Эра, она хорошо знала Рубцова... Очень хорошо относилась к студентам и рассказывала им истории о Рубцове» (А. Баженова, г. Энгельс). «Что Вы думаете о воспоминаниях Л. Дербиной в журнале «Слово»? У меня двойственное чувство...» (Е. Михайлова, Челябинск). «Весной поеду выступать в другие города и непременно включу в свою программу и поэзию Рубцова...» (Д. Гаранина, Геленджик). Л. Голубкова прислала мне фрагмент письма писателя Юрия Казакова: «В горнице моей светло, Это от ночной звезды...» — вот такие стихи я готов день и ночь читать».

«Я лично просматривала газеты «На страже Заполярья» за 1957 год, стихов Рубцова не обнаружила...» (В. Кузнецова). «На сегодняшний день в музее Н. М. Рубцова побывало почти две тысячи человек...» (Д. Ширяев, г. Дзержинск). «Поэзию Рубцова я люблю, ценю высоко. Помню, как-то в Москве я читал стихи Рубцова моим родственникам, и они с удивлением «открыли» этого удивительного поэта» (Г. Горчаков, г.

Никольск). «Впервые я услышал это имя в середине 70-х годов. По радио шла передача и читали его стихи. Они поразили меня до глубины души. И с той поры я собираю все, что связано с именем Рубцова» (Н. Крылов, монтажник и поэт). «Я коротко познакомила читателей с жизнью и творчеством Рубцова и перевела первое стихотворение, а именно «Тихую мою родину» (Ёко Наоно, Япония). «А подумать вслух над поэзией Рубцова — давно хочется... «Козу», например, часто читаю в разных аудиториях и пытаюсь помочь увидеть роскошную пластичность ее, гениальную легкость шутки, в которой очень важный ключик к пониманию Рубцова» (В. Кузнецов, поэт).

Ну, теперь самое-самое время и улыбнуться. Недавно М. А. Полетова рассказала мне такую историю. Оказывается, в холле детсада, куда ходил внук Рубцова (это в Питере) висит теперь такая доска: «В нашем детском саду воспитывался внук знаменитого русского поэта-классика Н. М. Рубцова — Коля Рубцов». Необычный случай, неправда ли!..

И все же закончу я эти заметки на более серьезной ноте. Получил недавно очень интересное письмо от москвички Н. В. Переслегиной. Оно перекликается и со многими моими мыслями. Например, она пишет: «И вдруг обрушился на меня и потряс мир поэзии Рубцова. Много думаю над тем, в чем же тут дело?... Поразило безусловное тождество ощущения тайны жизни у Тютчева и Рубцова. Ну прямо одна и та же душа, только в первом случае у аристократа, а в другом у простого обездоленного судьбой человека. Это странно... Для меня поэзия Рубцова — это прорыв к постижению тайны бытия. И он сам — тайна...»

Как видите, мы вернулись к тому, с чего начали — к тайне жизни. Оказывается, ее можно разгадывать и с помощью литературы, поэзии. Я вот и сам, по мере сил, много уже лет занимаюсь поэзией, разгадкой тайны Рубцова. Некоторые эпизоды моих поисков — на следующих страницах.

2. В архиве поэта

Когда лет двадцать назад я впервые открыл эти архивные папки и прикоснулся к рукописям бессмертных стихов Рубцова — у меня от волнения дрожали руки. Потом привык. В архив — а фонд Рубцова хранится в Госархиве Вологодской области — пришлось ходить много раз. Фонд поэта не так уж мал (460 единиц хранения, это тысячи страниц), и

надо было не просто перелистать его, но изучить, сделать сотни выписок, а что-то и скопировать. Как оказалось, очень важна была подготовительная работа. Чтобы найти в архиве что-то новое, надо было научиться знать почти все стихи Рубцова, уже вошедшие в книги, заново перечитать все воспоминания и пр.

Что поразило меня в первые дни? Прежде всего то, что до меня мало кто заглядывал в фонд Рубцова. Поразила записная книжка поэта — множеством самых разных фамилий. Удивил почерк — очень красивый и уверенный. Но не совсем прав был Астафьев, когда говорил, что все стихи Рубцов в голове слагает, а затем набело лишь записывает. Поэт нередко исправлял, уточнял отдельные слова, строки или целые строфы...

Одним из первых открытий было стихотворение «В звездную ночь». Это ранний вариант знаменитого стихотворения «В горнице». На автографе рукой поэта поставлена дата — июль 1963 года. Вторая строфа стихотворения, например, выглядела так:

— *Матушка, который час?*

Что же ты уходишь прочь?

Помнишь ли, в который раз

Светит нам земная ночь?..

В конце были еще две неизвестные строфы. И такие, скажем, строки: «Словно бы я слышу звон вымерших пасхальных сел...» Между прочим, это не прошло бы тогда и по цензурным соображениям.

Постепенно количество находок росло. Помню радость большую, когда нашел я стихотворение «На чужой гулянке» — живое, бойкое:

До последней темноты

Носимся, как танки!

Не вернемся — я и ты —

С этой погулянки!..

Станут финками колоть.

Набегут бульдоги, —

Голова, как спелый плод,

Скатится под ноги!..

А рядом — еще несколько интересных стихотворений. Не буду сейчас все перечислять, но всего стихотворений 20 неизвестных отыскалось в архиве поэта. А сколько вариантов! Все это я постепенно опубликовал в газетах и журналах — «Волга», «Наш современник», «Север»...

Затем эти стихи попали уже в книги Рубцова, вышедшие в последние годы. Но полное собрание стихотворений поэта еще не издано, и даже не подготовлено. Это очень сложная работа, да и комментарии к ней нужны.

Разыскал я в фонде Рубцова и несколько прозаических фрагментов, очень интересных. А письма и искать не надо было — только взять и опубликовать, по возможности и необходимости.

С изучением архива прояснялась и биография поэта. Многие страницы биографии вошли в мои книжки «Неодинокая звезда», «Жизнь Рубцова», «Первые итоги».

Здесь, в архиве, впервые прочитал я многие замечательные строки Рубцова. Как глубоко и точно, например, написал он о своей эпохе: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности... Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад». Или взять другое его высказывание о поэзии: «Думаю, что стихи сильны и долговечны только тогда, когда они идут через личное, через частное, но при этом нужна масштабность и жизненная характерность настроений, переживаний, размышлений...»

В архиве впервые прочитал я «Песенку» («Когда запоем радиолу...»). Опубликовал ее. Затем ее включил в свой певческий репертуар Владимир Громов...

Не все люди хранят поздравительные открытки. У Рубцова несколько открыток сохранилось. Больше всего тех, конечно, где его поздравляли с новым 71-м годом. Его последним годом. Но есть и более ранние. Например, открытка, отправленная из Москвы 5 января 65 года. Тон ее немного шутив, поэтому она адресована так: «Волог. область, с. Никольское. Великому Коле Рубцову...» И подпись в конце текста: «Крепко целуем. Филипов, Шапиро, Юзик, Ирина, Соколов, Твардовский и др. (всего 10869 подписей)». Вероятно, Твардовского не было среди авторов этой открытки, он прибавлен «для весу», но авторы ее уже в то время понимали, насколько талантлив Николай Рубцов. Потому и 10 тысяч подписей «приплюсовали», хотя еще и первая книжка поэта тогда не вышла.

На многие вопросы смог я ответить, познакомившись с архивным фондом Рубцова. Но архив породил и новые вопросы. Куда, скажем, подевались другие записные книжки поэта? Известно, что у поэта была

не одна. Кто автор нескольких писем Рубцову, которые полным именем не подписаны, а конверты не сохранились? Надо уточнить и авторство нескольких стихотворений. По стилю — они не рубцовские. Но, может быть, это его переводы? Но тогда, кто автор оригиналов?..

Одна из самых первых моих работ о Рубцове называлась «Диалог в лирике Рубцова». Позднее в архиве я нашел множество подтверждений своим мыслям и гипотезам. С помощью архива мне удалось буквально восстановить, реконструировать одно из удивительных стихотворений поэта. Я дал ему условное название «Павлов»:

Достал из кадки рыжиков соленых

И, сам к себе культурно обращаясь,

Он говорит:

— Ну, что ж, товарищ Павлов!

Пожалуй, выпьем?

— Что вы? Я непьющий!

*— Но разве это жизнь,
товарищ Павлов!*

*— А ты, Петрович,
что сидишь в сторонке?..*

*Но тут старуха
грозно слезла с печи.*

— Рехнулся! Люди добрые! Глядите!

И тянет, тянет

рюмку из-под носа:

Старик — к себе,

она ее — обратно...

И дальше продолжается этот мастерский диалог Ивана Петровича Павлова с самим собой, да еще с третьим, вымышленным, собеседником. Как бы расстройство личности!.. Мы знали, что у Рубцова прекрасный юмор есть, но, оказывается, у него еще и талант драматурга был.

Вообще, Рубцов достиг вершин в точности и выразительности слова. Он нашел единственные слова — мягкие, русские, живые: «Зябко в поле непросохшем», «И шепот ив у смутной воды», «По дороге неслись сумасшедшие листья», «Дремлет на стене моей ивы кружевная тень...» Как Лев Толстой многие годы восхищался строчками Фета «Шепот, робкое дыханье...», так и мы наслаждаемся гением Рубцова: «В горнице моей светло...»

Загадка Николая Рубцова... Наверное, мы хотим понять: как удалось ему найти единственные слова? Как сумел он впитать всю русскую поэтическую культуру — от Державина и Лермонтова до Есенина — и всё это освоить, и остаться самим собой, одарив нас чудом подлинной поэзии. В стихах Рубцова шумит живой ветер, плывут настоящие облака, говорит душа...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РУКОВОДИТЕЛЮ РУБЦОВСКОГО ЦЕНТРА Г. СУРГУТА СЕРГЕЮ ЛАГЕРЕВУ

Дорогой мой Сергей Алексеевич!

Получила Ваше письмо с рассказом о проведенном у Вас юбилее Распутина. Если не нам, то кому же еще почитать и распространять наших классиков. Ведь СМИ не афиширует подобные юбилеи!

Теперь о книге Н. Коняева — «Н. Рубцов», вышедшей в серии ЖЗЛ.

Вы пишете о том, что надо быть терпимее к ошибкам друг друга, тем более неточности существуют в любых современных изданиях. Вы абсолютно правы. Я сама мечтаю о некоем круглом столе, за которым можно было бы устранить все разночтения и неточности в биографии Поэта. Боюсь, что проблема гораздо глубже.

Я согласна с Вами — Н. Коняев любит Н. Рубцова. И не просто любит, а очень любит. Его книга читается с большим интересом, если бы не отдельные «ошибки», которые он бесконечно повторяет во всех своих изданиях, существенно влияющие на формирование образа поэта в сознании читателей. Вот почему наши возражения — возражения не частного порядка.

В настоящее время происходит исторический процесс создания образа Поэта Николая Рубцова. Боюсь, Н. Коняев составил свой образ поэта и, в связи с этим, будет отвергать истинные факты его биографии, не подходящие под его, Коняева, образ.

Разве он не знал истину, как Рубцов порезал себе руку, а именно — о чем говорил по этому поводу сам Рубцов писателю Александру Романову? Знал, конечно! Об этом написано и в двухтомнике В. Коротаева (Воспоминания А. Романова) и в книге А. Романова «Искры памяти». Эти книги вышли очень давно. Но, видимо, Коняева устраивает образ Рубцова такой, какой преподносит нам в своих сочинениях его убийца

— Л. Дербина. И ложь Дербиной остается во всех его книгах.

А как выглядит история с письменным столом Рубцова? В публикациях 1999 г., 2000 г., и даже в серии ЖЗЛ Н. Коняев пишет о том, что Рубцовым на письменном столе были вырезаны «неприличные слова». Подобное отрицает и гражданская жена Рубцова — Генриетта Михайловна, и Е. Н. Рубцова — дочь поэта, просидевшая за ним 10 школьных лет. Подтверждают это и директор Института мировой литературы — Ф. Ф. Кузнецов, и директор тотемского музейного объединения — Ю. П. Ерыкалова, и Ваша покорная слуга, — видевшие этот стол теперь уже в Никольском музее. Н. А. Старичкова, помогавшая отвозить из квартиры Рубцова вещи — после гибели Рубцова в село Никольское к Генриетте Михайловне, тоже утверждает, что «неприличных слов на столе не видела и все это выдумка».

В своих сочинениях Н. Коняев пишет так, что воспоминания убийцы Дербиной считает документом. 'Разве могут быть «сочинения» убийцы документом?! Почему он игнорирует заявления и неоднократное высказывание В. И. Белова (друга Рубцова): «от начала до конца эти сочинения — выдумка». Почему он не слушает А. Романова, который неоднократно писал: «Если бы я не услышал от самого Рубцова... и т.д.». А. Романов, как и В. Белов полностью отрицают все написанное Л. Дербиной.

Коняеву почему-то дорог образ Рубцова, который он создал сам. «Он ждал свою любимую...» — пишет он. Это Рубцов-то! Не любимая, а женщина, к которой он относился «не серьезно», как говорил Рубцов А. Мартюкову, когда был гостем у него в Великом Устюге. В трехтомнике «Н. Рубцов» (составитель В. Д. Зинченко) ясно и документально указано, что бежал Рубцов из Вологды от Дербиной, просил даже поэтессу Л. Васильеву приютить его. Коняев не замечает многого...

Изучая воспоминания Н. А. Старичковой в «Профсоюзной газете» — «Наедине с Рубцовым», узнаем, что Дербина сказала жене Астафьева перед поездкой: «Рубцов не берет меня с собой в Тотьму». Удивляет избирательность Коняева. Все, что пишет Дербина о Рубцове, переписывается Коняевым дословно: ел Рубцов руками прямо из кастрюли, постельного белья у него не было, вся посуда была разбита, своим друзьям — вологодским писателям он не был нужен. В то же время «биограф» не использует воспоминаний друзей Рубцова, отмечавших любовь Рубцова к красивым застольям, щедрость, дели-

катность, скромность, стеснительность, удивительную шепетильность.

Как же Рубцов не нужен был друзьям!? В. Коротаев, беспокоясь о поэте, навестил его в канун 1971 г. но, узнав об ожидании Рубцовым гостей — своей жены и дочки, уехал встречать новый год к матери. Со слов Н. П. Зиновенко (соседки поэта), возвращавшегося домой Н. Рубцова обычно сопровождали оживленно беседующие В. Белов и В. Коротаев.

Факты из жизни семьи Н. Рубцова Коняев извращает. Он считает, что мать поэта не могла петь в церковном хоре — а это неправда! Галина Михайловна Шведова (сестра Рубцова) говорила мне об этом еще в 1996 г. (записано на кассету). Она же вспоминала: «Хоронили мать по православному церковные люди».

Коняеву не понравилась телеграмма, составленная Рубцовым собственноручно и отправленная своему педагогу Н. Н. Сидоренко, со следующим содержанием: «Дорогой Николай Николаевич Христос воскрес». По-коняевски это ни что иное, как «наивная мистификация»: «или это телеграмма отправлена самими публикаторами или же она является плодом розыгрыша каких-то рубцовских недоброжелателей...». Копию этой телеграммы я, кажется, посылала Вам, Сергей Алексеевич? Телеграмму передала составителю трехтомника В. Д. Зинченко дочь Н. Н. Сидоренко — Т. Н. Сидоренко.

Попов Н. В., однокурсник Рубцова, неоднократно писал свои воспоминания о Рубцове и их учебе в литературном институте. Он возмущен коняевским образом Рубцова: «Коняев показал Рубцова безвольным слабаком...» Это Рубцова-то, прошедшего детский дом, службу на Северном флоте, работу на Путиловском заводе, т. е. человека закаленного в жизненных невзгодах. Человека компанейского, умеющего побалагурить, пошутить, к которому тянулись многие однокурсники и студенты других факультетов.

А вот о Коняеве, например, вологодский литературовед профессор В. Н. Бараков пишет следующее: «Путник на краю поля» со всем ее строением пытается убедить читателя в том, что итог жизни Рубцова закономерен. Он упоминает о многочисленных неудачах поэта в литературной жизни, о его тяжелых взаимоотношениях с отцом, встречается с родственниками и знакомыми Рубцова, пытается выяснить у них подробности, дополняющие нарисованный автором портрет. С этой целью Н.

Коняев использует материалы, уже неоднократно публиковавшиеся В. Кожиновым, В. Оботуровым и В. Белковым. Ничего нового он, по сути, рассказать не может и поэтому дает волю своей фантазии, заполняя пространство авторскими комментариями...».

Как мог Н. Коняев ставить параллель между светлым именем Рубцова и Бродским. Дескать оба пострадали от Советской власти. Для Бродского отправка в Архангельскую область — ссылка, а для Рубцова Вологодчина и село Никола — радость жизни и творческий подъем. Поэзия Рубцова будет жить в своем народе, а поэзия Бродского...

На всю страну передавали по радио о выходе книги Коняева в серии ЖЗЛ «Н. Рубцов» и читали главы из нее. Не какие-нибудь, а самые «жаренные». И именно их СМИ знают, что читать.

А вчера я получила письмо от жительницы г. Череповец — Н. Л. Деревягиной, расстроенной тем, что убийца Рубцова выступает в библиотеках города, очерняет его в глазах публики и доказывает свою не причастность к смерти поэта. Мало того, еще утверждает, что она невинно пострадавшая! Как тут мне не вспомнить рассказ Генриетты Михайловны в сентябре 2001 г., как всю ночь просидела она у гроба своего мужа в «Доме художника», а в ее ушах звучали слова, сказанные ей А. Романовым: «На вскрытии все голосовые связки Рубцова были порваны ее когтями». Мало ей выступлений ее адвокатов. Мало ей тиражирования ее книг. Она до смерти будет бродить по земле со своими оправданиями.

Я согласна с Р. А. Балакшиным — вологодским писателем, сказавшим на «Рубцовой осени» 2001 г. в Вологде у памятника Рубцову так: «По моему убеждению, поэзия, воспевающая любовь к отечеству, к своему родному народу непорочна и чиста, как крылья ангела...

Поэтому поэзию Рубцова и самого Николая Михайловича невозможно оклеветать — к чистому никакая грязь не пристает».

Я посылала Вам свой доклад, прочитанный на конференции в Николе в январе 2001 г. «Некоторые замечания к исследованиям биографии Н. Рубцова». Там вопрос шел о Л. Мелкове, с которым мы вступили в полемику перед изданием его книги «Звезда полей». Он поместил не одно, а даже два сочинения убийцы (одно из них опубликованное в каком-то иностранном журнале). Мелков обещал Ф. Ф. Кузнецову (директору Института мировой литературы) не публиковать эти сочинения, но обещание не сдержал.

Вот и получается, что мы сами распространяем ее ложь.

Все это дурно пахнет, и главная интрига заключается в том, что эти подробности смакует убийца (Дербина), а поклонник таланта поэта — тиражирует.

Дорогой Сергей Алексеевич, действительно наступило время академического издания Н. Рубцова, и осуществить это должны люди, по крупицам изучавшие и с любовью собиравшие материалы о биографии и творчестве Н. Рубцова.

*Почитательница поэзии Н. Рубцова — Полетова М. А.
г. Москва*

МНЕНИЯ:

«...Одновременно демократичны и невероятно высоки Чехов, Рубцов, поздний Заболоцкий».

К. Анкудинов, ж. «Москва». 1997.

*Если Пушкин бы сейчас
Наново родился,
Он от этой перестройки
Сам бы застрелился...
(народное)*

«Я терпеть не могу раннего Хлебникова, славянского. Вы Ремизова любите? Нет? Я тоже. Что за безвкусица, что за чепуха! Я как прочту “Лель” — так мне тошно станет. Какой Лель, откуда? Вот и у Хлебникова есть период Леля, который я не люблю».

А. Ахматова. 1940.

Валерий КЛЕБАНОВ

* * *

Наши беды легки на помине —
морят мором и трусом трясут.
Над широкой российской
равниной
раскололся их клятый сосуд.

И бредёт мой унылый анапест,
от слепого бессилия зол, —
где надежды забиты
крест-накрест,
словно окна покинутых сёл...

* * *

Мы в этой жизни без чудес
обходимся вполне.
Обычный луг, обычный лес,
обычный свет в окне.

И чаша, что испить до дна,
обычная она.
И жизнь обычная дана,
которая — одна...

* * *

Как быть, коль время постарело
и стало мифом,
коль опустели постаменты
его кумиров,

коль от холёных, сытых рож
завыть охота —
и только нищий бомж похож
на Дон Кихота?..

* * *

Паучок с головку спички,
лапок трепетный пучок
паутинкой по привычке
зацепился за сучок —

и, сплетя нехитрый невод,
ждёт своей удачи срок...
Так приходится и мне вот
замирать над сетью строк.

* * *

Мой дом грустит, подкошенный
судьбою;
век куковать придётся здесь
и впредь...
И всё же отдаёт зубною болью:
«Увидеть бы Париж —
и умереть».

Но страсть к России... Как мне
с нею быть?
Родные прохудившиеся крыши,
бессилье, заставляющее выть...
А что в Париже?

Гравюра Е. Лебедева

ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ БЕЛОВУ — 70 ЛЕТ

В этом году знаменитому русскому писателю Василию Белову исполняется 70 лет. Он родился в вологодской деревне, живет в Вологде, тесно связан с Москвой, много ездил по стране и по миру.

Василий Иванович Белов прославился, когда журнал «Север» опубликовал его повесть «Привычное дело». Он один из лучших стилистов в современной нашей литературе. Самые известные книги Белова — «Лад», «Воспитание по доктору Споку», «Кануны», пьесы. И нашумевший роман писателя «Все впереди». Желаем Василию Ивановичу здоровья и новых творческих успехов!

В. Сергеев

БЕЛИНСКИЙ В ВОЛОГДЕ

Нет, это не краеведческая статья. И «неистовый» Виссарион, видимо, никогда не бывал, в нашем городе, в области. Речь пойдет о вологодских критиках, но очень кратко.

В новейшей истории Вологде не очень везло на лит. критиков. Но были и заметные имена. Назовем хотя бы В. Оботурова, В. Гуру, В. Дементьева, В. Каменева. В Москве живет и работает Игорь Шайтанов. Нередко в качестве критиков выступали поэты А. Романов, Ю. Леднев

и др. Позднее некоторое время работали в критике Вячеслав Белков и Алексей Смуров. Писатель В. Белков даже успел удостоиться шутливой похвалы незабвенного Юрия Леднева:

Хоть роста он не исполинского,
Но есть в нем что-то от Белинского!

Чуть позже свое особое место занял литературовед и критик Виктор Бараков, доктор наук, автор книжек «Лирика Николая Рубцова», «Чувство земли», «Слово в вечности» и др. Читатели уже имели книги о Рубцове, написанные Кожиновым и Белковым. Тут появился С. Фаустов, выпустил две книги критики Андрей Смолин.

И уж совсем недавно начали понемногу печататься, в том числе и в «Автографе», Николай Маркелов, О. Малышев, А. Родин. Возможно, последний из них псевдоним, потому что подписывается обычно — Родин А.

Сейчас катастрофически не хватает критиков в Череповце. Там складывается интересная литературная группа, ситуация, а о литературе пишет, пожалуй, только один человек — философ Анохин. Недавно статья Валерия Анохина была напечатана в «Автографе». Но может, в городе металлургов есть еще критики, и просто я плохо владею информацией? Напишите нам. Где вы, новые Белинские, Кожиновы и Оботуровы?

С. М.

ПИСАТЕЛЬ-ХИРОМАНТ

«Записки арбатского хироманта» представил на суд вологодского литературного объединения «Ступени» бывший врач-психиатр, а ныне — литератор Виталий Новоселов. В его новых рассказах — череда лиц, судеб, прошедших перед хиромантом — человеком, «гадающим по руке», сидящим на брезентовом стульчике в центре столицы. Невыдуманность ситуаций, многообразие характеров, «врачебно-внимательное» отношение автора к героям подкупают. А пока за новыми впечатлениями писатель вновь намерен выехать в столицу, где его можно будет видеть на Арбате рядом с рекламкой «Расскажу о вашем будущем по ладони».

Ольга КУЗНЕЦОВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Сто великих писателей. Москва, «Вече», 2002. Книга охватывает писателей всего мира от Гомера до Рубцова. Составители — Л. Калюжная и Г. Иванов. Третье издание. Старая ошибка — пишут, что Рубцов родился 5 января.

Сергей Парамонов «С Вами... И без Вас...», лирика, Вологда, 2002. Дизайн книги выполнила Т. Тайганова.

Александр Швецов «Холмь», стихи и поэмы. Вологда, 2002. Посмертная книга известного вологодского поэта.

Аввигей Бархоленко. Творчество — проза. Литературное приложение к альманаху «Камертон», Вологда, апрель 2002.

А. Бархоленко «Светило малое для освещенья ночи», роман. Москва, 2002. Писательница родилась 10 января 1933 года в Костроме. Живет уже несколько лет в Вологде.

«Автограф», журнал, №17. Вологда, 2002. Стихи и проза Юрия Максина, критика Надежды Шиловой. Стихи В. Серкова, Н. Шиловой, Т. Хрыновой, Т. Лавтаковой, Н. Бушенева и др. Начало док. романа Вячеслава Белкова «Балаган». Несколько страниц журнала посвящены памяти художников А. Аверкиевой и В. Кунташева.

Михаил Лобанов «На передовой» (окончание), ж. «Наш современник», №4, 2002. Воспоминания известного критика, патриота своей страны.

Кириллова Э. А. «Вологда музыкальная: век 20», Вологда, 2001. Замечательная, интересная книжка, продолжение книги «Очерки музыкальной жизни» (1997).

Трофимова Н. «Вечерний свет», стихи. Вологда. 2002. «Тихая моя родина — город над светлой рекой...» Похоже, что для поэзии мало только сентиментальности, нужно еще что-то.

Н. Рубцов «Родная деревня», стихотворения для детей и взрослых. Вологда, 2002. Составил С. П. Багров.

ПЕРВЫЙ ЛАУРЕАТ

Сегодня редакция журнала «Автограф» называет своего первого Лауреата. Им стал по публикациям последних лет поэт и прозаик Александр Дубинин.

А. М. Дубинин родился в 1948 году, живет сейчас в Грязовце. Его интересные стихи, неожиданная проза давно вызывали внимание читателей, иногда даже раздражение. Можно сказать, что Александр Дубинин получает премию за дерзость.

Он выпустил несколько стихотворных книг, много помогает молодым авторам. В портфеле редакции есть новые произведения А. Дубинина. И мы поздравляем его, желаем здоровья, счастья, литературных успехов.

Редакция «Автографа»

Александр ДУБЕНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Какая жизнь — такие и мысли.

Во-первых, язык — речь, а потом все остальное.

Я перестал бояться изображений души.

Настоящее еще вчера будущим было.

С почвенической идеей у меня общего только почва.

Дорога к храму никогда не кончится, а значит и служба никогда не начнется.

Путаница звезд.

Виртуальные люди.

Воланд у Булгакова делает то, что не сделали люди.

Для рассмотрения базовых ценностей еврейского вопроса лучше всего позвать участкового.

Слово (звук) парит над символом (изображением).

Если женщина говорит чушь, значит она счастлива.

Если власть не функциональна, значит она маргинальна.

Президент — в расрочку.

Медведь специального назначения.

Нельзя по ошибке украсть страну.

Заполошье — родина бюрократа.

Сегодня в России — вторая серия коммунизма.

Все служат, никто не работает. За работу платят совсем другие деньги.

Пусть нам завидует Европа.

Разнообразен русский зад:

Пинками сплюснен у холопа.

Обвис у знати от наград.

Искусство — не то, что мы о нем думаем сегодня, а то, чем оно станет завтра.

Комарик так участлив, когда у меня руки заняты.

ВЯЧЕСЛАВУ БЕЛКОВУ — 50 ЛЕТ

Вячеслав Сергеевич Белков родился 15 сентября 1952 года в Вологде. Писатель, филолог, член Союза писателей России. Выпустил несколько книг, в том числе «Жизнь Рубцова» и «Первые итоги». Его первая книжка «Неодинокая звезда» вышла в Москве тиражом 75 тысяч экземпляров. Книги Вячеслава Белкова есть не только в библиотеках Вологодской области, но в Ленинской библиотеке в Москве, в национальной библиотеке в С. Петербурге, в Германии, в Токио, библиотеке Конгресса США. Некоторые произведения переведены на японский язык. Вячеслав Сергеевич писал прозу («Повесть о Вологде», «Балаган», короткие

рассказы, эссе), стихи, литературоведческие исследования, занимался переводами.

Вместе с другими энтузиастами с 1997 года издает в Вологде литературно-художественный журнал «Автограф». В 2000 году писатель стал Лауреатом Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова.

Вячеслав БЕЛКОВ

БАЛАГАН

*документальный роман
(продолжение)*

21.

Во мне до сих пор звучит эхо спектакля «Трагедия Чили». Если бы мы показали его в самой этой стране, то или оказались бы за отнюдь не бутафорской решеткой, или бы хунта потерпела поражение.

К сожалению, я не могу приложить к этим запискам фотографии спектакля (а таковые имеются), но могу привести пример из древней истории, благо, античная девочка дала на это свою щедрую санкцию:

«Когда Софокл в 441 году до н. э. впервые поставил на сцене исполненную патристического содержания и тонких душевных переживаний трагедию «Антигона», взволнованные и потрясенные силой его таланта граждане Афин единодушно избрали драматурга... полководцем в войне против жителей острова Самоса. Так они выразили поэту благодарность».

Кстати, античные авторы (даже такие, как Эсхил, Софокл, Эврипид) всегда скромно рассчитывали лишь на одну-единственную постановку каждого своего творения. По тогдашним законам спектакль не повторялся: это просто не было принято... Я говорю об этом потому, что хочу теперь перейти к спектаклю по опере-детективу Вознесенского «Дама трэф».

22.

По некоторым причинам я не принимал участия в этом спектакле, и поэтому не буду писать о нем и подробно, и тем более — оценивать его. По некоторым (тоже туманным) причинам Студия не могла показать этот спектакль больше одного раза. В «Даме трэф» были впервые применены большие маски в том виде, в каком мы знаем их по «Балаганчику дна Кристобалю». Спектакль выглядел очень ярко. Даже тот молодой человек, который, как я уже говорил, всегда прихрамывал, на время этой постановки перестал хромать вовсе. Если в начале показа кое-кто в зале еще сморкался и ронял номерки, то в середине его стояла уже гробовая тишина, а в конце — во время знаменитой финальной сцены — некоторые зрители стали рвать на груди рубахи.

...Пусть я выверну жизнь наизнанку,

Но идея поэмы проста.

— Что ты ищешь, художник? — Не знаю.

Назовем ее — Красота.

23.

Поскольку уж речь зашла о Вознесенском (в определенный период всяк бывает на нем помещан), то я назову те прекрасные тихие его строки, которые в разное время исполнялись студийцами. Это советует мне сделать и Нина Огурцова, живущая сейчас на своей вилле под Сочи (я получил на днях письмо от нее), а в то время бывшая помощником режиссера по контрольно-измерительным приборам и пиротехнике. Итак...

Когда я придаю бумаге

черты твоей поспешной красоты,

я думаю не о рифмовке —

с ума бы не сойти!

(В. Лихачев)

*Ну что тебе надо еще от меня?
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Я музыка горя, ты музыка лада,
Ты яблоко ада, да не про меня!*
(автор записок)

*Присела к зеркалу опять,
в себе, как в роще заоконной,
все не решаешься признать...*
(римлянка)

24.

*...Моя любовь передвечерняя,
прощальная моя любовь,
полоска света золотая
под затворенными дверьми.*
(Людя Т., ныне учитель Белозерской школы)

*Вечером, ночью, днем и с утра
благодарю, что не умер вчера.*
(она же)

Последнее стихотворение рвался читать... Ну кто? — Конечно же, Петя. Он кричал: «Это мое кредо! Мое кредо!..» Но стихотворение досталось девушке, и тогда Петя (это надо же!) самостоятельно подготовил небольшое четверостишие этого же поэта:

*Не придумано истинней мига,
чем раскрытые наугад —
не дочитанные, как книга, —
разметавшись, любовники спят.*

Неудачная любовь довела моего героя до того, что он читал эти строчки всюду, даже писал их на стенах, а иногда — на занятиях, вместо формул. Шамбер, цимбр...

25.

Следующий наш спектакль — «Балаганчик» Блока — начался, пожалуй, с того, что Витя пришел однажды на репетицию растерянный и еще бледнее, чем обычно. «Я раздваиваюсь», — заявил он официально. — «То чувствую себя хромым, то — идиотом, как этот...» Витя предварительно убедился, что Петя еще не пришел.

В самом же «Балаганчике» Вите пришлось быть моим двойником, и его (простите меня за нескромность) это несколько успокоило.

«Балаганчик» был поставлен почти точно по тексту автора, и мне нет нужды пересказывать его содержание, — достаточно читателю открыть соответствующий том А. Блока.

На этом спектакле уже полностью царил второе поколение студии. Кроме уже названных мною героев, упомяну Владика К., Таню П., Лену С. и Ларису К.

С последней, кстати, связан любопытный случай из нашей практики: как всегда, опоздав на репетицию часа на два, она села, блаженно потянулась и сказала: «А хорошо бы сегодня пораньше закончить».

26.

Дойдя, наконец-то, до первого нашего Балагана, я ловлю себя на том, что до сих пор не удосужился объяснить название своего романа. Конечно, это сложное трансцендентное понятие так просто и быстро не объяснишь. Попробую сделать это постепенно, и сначала прибегну к помощи Б. Яхонтова. В книге о своем творческом пути он писал:

«Балаган не стесняется, что обманывает публику, Его иллюзия откровенно подчеркнута, это иллюзия в чистом виде. Балаган обычно беден и поэтому хитер на выдумки. Он экономен и умен. Балаган больше рассчитывает на фантазию зрителя и верит, что с этой фантазией далеко уедешь. Балаган любит подзадоривать публику. Он снимает маску и показывает, что между актером и жизнью острая разница, а потом снова создает иллюзию и берет в полон воображение зрителя. Он любит внезапные антракты, чтобы дать понюхать, что такое жизнь без иллюзий, и чтобы зритель захотел: «Давайте скорее дальше иллюзию». Он разжигает зрителя, дразнит его красным цветом торседора».

27.

Если глядеть шире, то «балаган» надо понимать как все самые анархические наши порывы, как полет духа и плавание плоти, как наши сборы, нравы и планы, как, наконец, табачный бум и наши репетиции...

И просто диву даешься, что при всем этом в Студии еще могли происходить святые события реального порядка. Назову некоторые из них: Валя Я. получила повышение и уехала в Москву, народная артистка Нина О. ушла на заслуженный отдых, хромающий молодой человек стал крупным меценатом, хотя и сейчас появляется иногда в Студии с черного хода (швейцар, снимая с него огромную соболью шубу и получая на чай, всегда приговаривает: «Мы господ актеров уважаем-с»). Валерий Андреевич в свободное от репетиций время женился, потом незаметно у него родился сын и был назван именем известного чтеца; строго-смысливая девочка поехала покорять зарубежные страны, один из студийцев работает военным корреспондентом на острове Тайвань ... Фортуна, карьера, успех живут только на нашей стороне!..

28.

Как бы продолжая предыдущую главу, мне так и хочется сказать: Ах, сцена-сцена! Ей богу, на твоих широких плечах чувствуешь себя человеком!..

Но теперь я вынужден убавить романтический пыл. С тихой радостью приступаю я к описанию композиции по стихам Н. Рубцова. Когда лепится спектакль, волей-неволей приходится отказываться от длительных и полнокровных индивидуальных репетиций — для них почти не остается времени, да и понимаешь, что многими частными промахами можно пренебречь во имя и за счет цельного образа спектакля. Иное дело — композиция чисто стиховая... Тут мы снова почувствовали вкус к долгой индивидуальной работе над стихом. И результат оправдал все труды. В композиции почти не было слабых мест и — слабых исполнителей. Мастерское чтение показали особенно Нина О. и Лена Д. Конечно, мы не всегда выступали ровно (об этом я еще напишу), но эти две представительницы второго поколения представили

всё то лучшее, чего в разное время достигали другие. Ветер совершенства дышал в наши уши!..

29.

Говоря в 18-й главе о чтении «на разрыв аорты», я и имел в виду именно такое чтение, которое редко можно услышать на репетициях (чаще — на выступлениях, и после небольших пауз, когда дух чтеца проголодался), но которое только и возможно после долгих репетиций. В этом смысле обычно и говорят о вдохновении, как о случайности, рожденной закономерностью работы.

Слово звучит кроме чтецкого искусства также в драматическом и певческом. Но в драме оно связано с действием, а в пении — с музыкой. И я, например, редко нахожу там обогащенную вдохновенную силу слова. Ту, которая звучит у Яхонтова, в «Мертвых душах» у А. Шварца, в некоторых стихах Блока, исполняемых Д. Журавлевым, когда этот чтец был помоложе, или в авторском чтении Есенина. Впрочем, в пении я знаю такой пример. Это исполнение Аллой Пугачевой песни «Не отрекаются, любя». Здесь она потрясает и заставляет верить себе. И сама признается, что не только поет в этой песне, но и говорит, кричит, шепчет!..

30.

Дойдя до главы, обозначенной такой большой цифрой, я почувствовал, как много мне придется поведать во второй части романа, потому что первой части мне катастрофически не хватает, я не рассчитал..

На сцену уже просятся новые герои, — те, кто раньше был просто зрителем, или сидел у светового пульта, или делал море, дергая за кулисную штору. И количество этих героев превосходит мои творческие возможности. Поэтому придется некоторых из них спарить, обобщить, тем более, что они пришли к нам, действительно, какими-то удивительными дуэтами..

Итак, вот оно, хранящее большие потенциальные возможности, третье поколение студийцев: Каталина, Калистрат, Большая девочка, Маленькая девочка и другие. Это уже не динозавры, а свежие, живые наши современники. Они начали с Есенина, но полностью их природные склонности выразились в «Балаганчике донна Кристобалья» Ф. Г. Лорки, когда уж воистину свершилось чудо — балаган поставил на сцене другой «Балаган», и мы увидели самую жизнь.

31.

Надо сказать, что у Калистрата был уже опыт выступлений, а вот откуда у Каталины взялся этот испанский народный дух? Где, когда впитала эта графинюшка то самое!?!..

Во втором отделении мы выступили с композицией по стихам того же Лорки. Мне досталось играть неверную жену. Но более всего мне запомнилось не это, а закулисная атмосфера. Калистрат блеснул африканскими глазами и, прокиная всё на свете, искал сомбреро, Большая девочка загадочно улыбалась и всех успокаивала, а Маленькая — снова и снова повторяла свои стихи, чтобы не забыть. Зрители сидели молча, на сцене кто-то что-то еле слышно бормотал, зато за кулисами развивалась большая трагедия, делалась мировая политика, гремели бас, тенор и сопрано!...

Вот за это я и люблю театр. Теперь в этом можно признаться!.. Забывается многое, почти всё. Но если в закулисной темноте вам хоть однажды наступили на ногу, или расщекотали до потери сознания, — это запомнится на всю жизнь, до старости!

32.

Шутки в сторону! Поговорим о серьезном. Я так много оставлял по ходу своего рассказа «на потом», что с грустью душевной начинаю теперь платить эти долги.

В 4-й главе я писал о том, что начинающие чтецы обмануты своим внутренним слухом. Обмануты все, но одни больше, другие меньше. И я рискну сказать, что, в некотором смысле, те, кто начинает хуже, достигают потом большего успеха. Вот в чем тут дело: наша речь тесно связана с сознанием, и когда молодой чтец произносит слово, фразу, он окрашивает их этим своим внутренним сознанием, и ему кажется, что слово наполнено верным смыслом и звучит так, как надо. Но зритель же не слышит этого сознания чтеца! Зрителю надо, чтобы это сознание было материализовано в звучании, в интонации. Мы привыкли с детства читать не вслух, а про себя. Это было бы хорошо и на сцене, если бы слушатели сидели не в зале, а в нашей голове. Но они — не мы, а совсем другие люди. Вот почему внутренний слух так часто подводит начинающих чтецов.

33.

Очень часто, если сижу на первом ряду, я вижу, как девушка, читая грустное стихотворение, едва не рыдает внутри. Да, плакать надо внутри, но почему же мы ей не верим? Да потому, что это именно ее личное рыдание, а не наше. Мы только видим это рыдание, но не слышим его в слове человека для нас главного — поэта. Мы видим жалобные глаза чтицы, морщины на ее угнетенном лбу, иногда мы слышим ее ровную страдающую интонацию. Она играет страданием, и от этого страдает только стих...

Мне не хотелось бы заканчивать первую часть на такой печальной ноте. Полно, Петья, — говорю я тому, кто меня на это толкнул.

...Сегодня, 26 февраля 1979 года, когда Студия вновь обращается к стихам Пушкина, я завершаю первую часть своих записок, и пока прощаюсь со своими милыми героями. Помните, что слово «герой» имеет и другой смысл — чтобы выйти на сцену не шутя, нужен героизм.

Друзья мои, прекрасен наш союз?

Продолжать мне негде, но, к счастью эти слова Пушкина каждый наш студиец давно и прочно знает наизусть...

ЧАСТЬ II

От автора

Мне показалось, что вторая часть романа требует особого предисловия. К тому же, я просто обожаю писать предисловия — они ни к чему, как известно, не обязывают своих авторов, и мало читаемы.

Работая над первой частью, автор убедился, что дело, им задуманное, не такое уж простое, и что жизнь шире всех жанров.

Некоторым читателям могло показаться, что автор многое выдумал, но, уверяю вас, — эта жизнь не только шире, но и фантастичнее любой фавулы. Разве не удивительно, что, занимаясь в Студии, многие еще умудряются хорошо учиться и даже кончать институт, сохраняя при этом стипендию и нравственность. Теплыми поздравлениями наших отличников (недавно закончилась очередная сессия) позвольте мне и закончить это маленькое авторское предисловие.

«...Звук — это плацдарм нашего искусства. Звуком рисуешь видимое слово, звуком чувствуешь, страдаешь, восхищаешься, и звуком же рассказываешь о месте действия, о мире, природе, небе, морях и реках. И, конечно же, о людях».

В. Яхонтов

1.

Если хотите, в названии «Балаган» отражена и манера моего письма, и сам жанр этого романа. Действительно, я скачу с одного предмета на другой, нигде не задерживаясь, и не пытаюсь достичь совершенства...

Я уже где-то заикался о том, что искусство чтеца сложное и во многом еще непонятное. Может быть, это объясняется его молодостью? (В России оно существует от силы 60 лет.) Не знаю... Может быть, на него влияет театр? Или дело в том, что многие вовсе не признают его за искусство? — С детства сотни людей читают вслух; даже в том случае, когда не умеют этого делать; думают, что тут и уметь нечего. Не знаю...

Но как, например, читать стихотворение Есенина «Шагане»? От лица автора, чтеца, или лирического героя? Буднично или приподнято? Конкретно или отвлеченно? Как его начинать? Как кончать?..

Позвольте ограничиться пока вопросами.

2.

Мне не раз уже приходилось в этих записках бранить Петю за его назойливость и высокомерие. Но если по правде, то без него мое писание было бы гораздо хуже, или вовсе зашло бы в тупик. Вот и сейчас, зайдя ко мне на чай, он вовремя напомнил, что я обещал рассказать о студийцах, пишущих стихи. Вы, как и я, будете потрясены его великодушием, если узнаете, что сам он стихов сроду не писал. А вообще, в Студии поэтов немало. Исключая тех, кто пишет, но скрывается, и учитывая бывших студийцев тоже, я назову здесь четверых: Витя Лихачев, Калистрат, Коломбина, Валя Я.

Не выдавая их авторства, я в последующих главах буду приводить иногда примеры их поэтического творчества. Начну даже прямо сейчас, с налету.

Отчего пишутся стихи? Чаще всего, видимо, от одиночества:

Как ни тянется в ясное небо,

Не высок этот дуб, не высок.

Как ни делится лаской и хлебом,

Одинок человек, одинок...

3.

«Долго жил. Много видел. Был богат. Потом обеднел. Видел свет. Имел хорошую семью, детей. Жизнь раскидала всех по миру. Искал славы. Нашел. Видел почести, был молод. Состарился. Скоро надо умирать.

Теперь спросите меня: в чем счастье на земле?.. В познании. В искусстве и в работе, в постигновении его.

Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант! Выше этого счастья нет...»

Это слова Станиславского. Для нас он не кумир, но в подготовке чтеца можно опираться и на его систему. Особенно это касается не итога, а методов работы со чтецом.

Первым сотрудником Станиславского, первым практиком его системы был незаслуженно забытый Л. Сулержицкий, который принес на русскую сцену «чистое отношение к искусству при полном несведении старых, изношенных актерских штампов и трафаретов, с их красотой вместо красоты, напряжением вместо темперамента, с сентиментальностью вместо лиризма, с вычурной читкой вместо настоящего чувства...»

4.

Лукавая девочка, так полностью и не показав своих возможностей в индивидуальном чтении, тоже вышла из Студии. Петя, разумеется, настроил свой приемник на другую волну, но при этом было заметно, что в его чтецком репертуаре всё же стали преобладать мотивы элегические...

Витя Лихачев, выступавший очень долго, но, к сожалению, не очень ровно, тоже отошел как-то от нас. Вскоре, после его командировки на Северный полюс, он вернулся в наш город, но тут же сделал карьеру — стал директором крупной птицефабрики. Пост этот был ответственным еще и потому, что там разводили птиц необычных — птиц высокого полета.

И второе поколение чтецов тоже как-то резко состарилось. Личная жизнь почти ни у кого не сложилась. Очевидно, и вправду искусство требует жертв, пора безоглядной молодости прошла. Настало время раздумий. Все тянули в разные стороны... Но студийский бард пел:

Прошла беспечная гроза...

И только в сумраке далеко,

Как журавли перед отлетом,

Перекликаются глаза.

5.

Когда осенью прошлого года в Студию пришло четвертое поколение чтецов, у нас еще больше стало света, добра и надежды.

Назовем их так: брюнетка, две блондинки и грустная девочка. (Юношей среди них нет.) Ага-а-а... — улыбаюсь я — вы уже узнали себя в этих немудреных описаниях!.. А над тем, чтобы вас узнали и другие, я потружусь в следующих главах.

Вот девушка выходит на свое место перед мазэстро и первый раз начинает читать свое стихотворение. Руки ее самым тщательным образом перебирают почему-то складки юбки, или елозят по спинке стула, глаза устремлены в романтическую заоконную даль, где плывут, чуть покачиваясь, облака.

Некоторые из вновь пришедших уже успели получить профессию электротехников, кое-кто поступил на первый курс института печали, или в кружок кройки и шитья. А теперь под руководством Веселого человека они учатся художественному чтению.

6.

Режиссер: Ну, давай. Попробуем. Соberись.

И сначала не спеши... Давай...

Чтец: Я люблю, когда шумят березы, Когда листья падают с берез. Слу...

Режиссер: Заспешила, заспешила... Вдумывайся в слова, которые говоришь. «Люблю» совсем проговариваешь. Пропадает... И после строки обязательно люфт-паузу... Ну, давай. Сразу. Много не раздумывай.

Чтец: Я люблю, когда шумят березы, Когда листья падают с берез. Слушаю, и набегают слезы На глаза, отвыкшие от слез...

Режиссер: (перебивая) Уже лучше. Вот так...

Посмелее только. И не рви текст... Давай.

Чтец: Я люблю, когда шумят березы,

Когда листья падают с берез... (перебивая себя) Что-то не то... Не могу я сегодня читать...

Режиссер: Ну-у-у... (пауза). Конечно, не то... Запела почему-то. И «люблю» у тебя, как будто «по рублю»! (все дружно смеются).

7.

Режиссер смеется громче всех на свете. Он счастливый человек. Пока чтец тоже отходит от смеха и прокашливается, в аудитории происходят небольшие перемещения: мальчики вышли покурить, девочки достали вязанье. Калистрат подсел к симпатичной девочке с древнерусской фамилией, и, зажав себе специально нос, стал что-то гнусавить ей. Она снисходительно улыбулась.

Режиссер: (увидев спицы и шерсть) Х-мы... Какой маразм... Смотрели вчера фильм в «Салюте»?.. А-а-а... Надо было сходить. Вы что, учитесь всё что ли?... Ну-у, ребята, (переключается на чтеца) Давай, матушка, еще попробуем... да оставь ты руки в покое. И за спину не надо. Опусть их спокойно. Вот так... Давай.

Чтец: Я люблю, когда шумят...

(в это время врывается комендантша)

Она: Что за шум? Давно вы тут? (внимательно тянет носом воздух и что-то долго говорит режиссеру на своем языке. Тот внушительно и молча кивает до тех пор, пока она не уходит).

Режиссер: (ей вслед) Хорошо. Обязательно. Ага. (чтецу) Ну, давай дальше: Я люблю, когда шумят...

8.

Наш маэстро — прежде всего сам благодарнейший слушатель. Давайте минутку понаблюдаем за ним, когда у Студии очередное выступление, и он сидит в первом ряду нога на ногу. Только понаблюдаем незаметно:

С выходом чтеца он перестает потирать руки, отключается от всего на свете, лицо его преобразается, и кажется, что это он сам выходит на сцену, и выходит в первый раз. С первых слов чтеца он весь подается вперед, перестает дышать, губы его шевелятся, повторяя каждое слово столько раз репетированного стихотворения. Иногда он мысленно переходит в души слушателей, как бы ища там отзвука и сочувствия, и снова начинает шевелить губами... Если же он перестает вдруг бормотать, и глаза его загораются, значит, он увлекся, не слышит уже слов, а слышит одно чувство, ими передаваемое, значит, исполнитель достиг цели.

Нужно, видимо, сказать, что и сам В. А. нередко читал нам раньше стихи, выступал и перед широкой публикой на сцене. Мне запомнилось, как он читал стихи С. Есенина, полностью поэму Блока «Двенадцать», стихи Н. Гумилева, и почему-то Р. Гамзатова. Читал профессионально.

9.

Не устану повторять, что, может быть, самая лучшая для нас школа — это просто сидеть на репетиции, когда читает кто-то другой. Сидеть и слушать. Слушать режиссера и чтеца.

С 1972 года мне приходилось выступать, пожалуй, более сотни раз — с группой, индивидуально, на всевозможных концертах и конкурсах. Если прибавить сюда все репетиции, генеральные прогоны и просмотры, то это получится почти 3 тысячи часов, проведенных на сцене, или — почти 100 полных суток. (Простите мне эту нескромность. Возможно, она не лишняя тут.) Теперь же многие из нас могут похвастаться тем, что выступали не только в библиотеке, но и в тюрьме, и в сумасшедшем доме... Но мне кажется, если кто-нибудь из нас будет когда-нибудь режиссером, он прежде всего возьмет на вооружение те самые наблюдения за скромной парой — чтецом и режиссером, этой мельчайшей клеточкой нашего чтецкого организма...

Но, кажется, я перешел на язык физиологии. Не иначе — на меня повлияли биотоки Каталины. Стой, — говорю я себе, — а то слопаешь лягушку.

10.

Пожалуй, я больше пишу о героях, чем о героинях. Но это вполне объяснимо — женская душа загадочна и всегда неожиданна. Достаточно вспомнить, какими новыми гранями сверкнули Рита Ахметова и античная девушка, когда мы провожали их в последний путь (Валерий Андреич частенько рассказывает об этом новичкам), или вспомнить необычайные приключения Люды Б. в столице паровозов, Харовске.

Это цыганская свадьба пьет!.. Она так вдохновилась этими строчками, что вскоре сыграла русскую свадьбу.

Можно привести много примеров того, как стихи неожиданно находят выход в жизни их исполнителей: симпатичная девочка стала гримироваться под некрасивую девочку, к крыльцу Нади Е. действительно кто-то подошел, хоть и не спокойный; Калистрату теперь больше по душе девушки с испанской внешностью, Миша И., привыкнув совать лицо в поильный, стал теперь моржом; остальные, поднимая бокалы, теперь всегда содвигают их разом!.. Вот только Каталина еще не родила, и замуж не хочет.

11.

В Англии, где табак появился в 16-ом столетии, курение было запрещено, а нарушителей водили по улицам с петлей на шее, упорных — казнили.

В России в начале 17-го века курильщиков в первый раз наказывали 60 палочными ударами по голым подошвам, во второй — им отрезали нос. Продавцам табака велено было «пороть ноздри, рвать носы», ссылая их в дальние города.

О, сколько безносых людей появилось в те времена в Вологде! Но все некурящие оставались с носом, и постепенно, путем естественного отбора, всё смешалось, и возобладали курносые.

...Я хотел было сначала написать специальную главу о вреде курения и назвать ее «Табачный бум», но теперь, после таких ужасов, испугался сам и передумал, тем более, что есть еще многое другое, о чем необходимо поведать. Например, о самых верных друзьях нашей Студии.

Прошли те времена, когда восторженные поклонники срывали после премьеры наши афиши, и стремительно летели вверх, таща их как шлейф, собирать наши автографы. Но старые друзья не покинули нас.

12.

Один из таких друзей студии был поочередно влюблен во всех наших девочек. Губа не дура! В самые мрачные осенние наши дни он приносил с собой веселье и отрывистый смех. Он всегда был и остается сюрпризом. Мы так и назовем его — Сюрприз. Попробую описать его портрет: высокий, черноволосый, с независимой, немного женской походкой. Неправдоподобно вежливый. Блестящие военные усы не скрывают его улыбок. Слегка откинутый лоб часто бороздят морщины мысли. Есть в его облике что-то гусарское и одновременно сугубо штатское. Он — демон.

Он постоянно участвует в обсуждении наших премьер, он красиво беспристрастен и велеречив. Мне лень тормозить свои обширные архивы, где, несомненно, есть и большие критические статьи Сюрприза о нашей Студии, напечатанные в местной периодике. В них он иногда вспоминает, что и сам потихоньку режиссирует, но при этом всегда вежливо цитирует:

*Над головою топот ног
Однажды мне напомнил,
Что мой высокий потолок
Кому-то служит полом...*

(окончание следует)

ЛЕОНИДУ ЩЕТНЕВУ 60 ЛЕТ

Прекрасному художнику-графику Леониду Николаевичу Щетневу первого сентября исполняется 60 лет!

Леонид Николаевич родился в 1942 году в городе Соколе. Живет и работает в Вологде. Он участник многих отечественных и зарубежных выставок. Провел несколько персональных выставок, участвовал в работе Международных конгрессов экслибриса. Художником создано более 300 книжных знаков, около 50 станковых гравюр, более 30 поздравительных открыток. Оформил несколько книг.

С днем рождения, Леонид Николаевич!

В. Б.

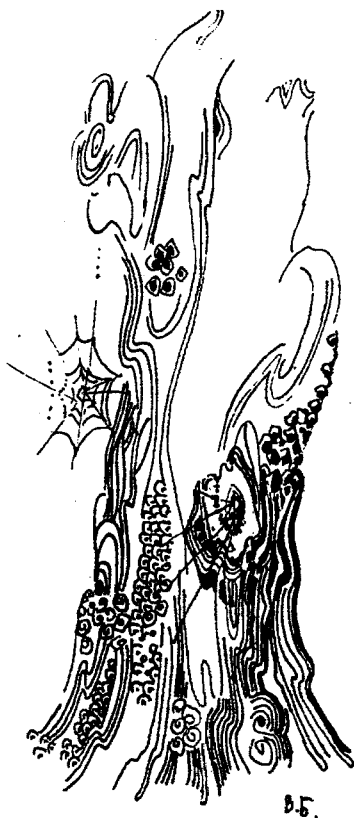
Вера БАГРЕЦОВА

Художник-график Вера Багрцова живет в городе Красавине Вологодской области. Давно пишет стихи, недавно выпустила свою вторую книжку. Показываем сегодня автограф Веры Багрцовой и ее рисунки.

Ферапонтово
Так украшали град
Руси икограф,
Что пять веков подряд
Здесь дух особенный!
А камни Бог помог
В трудах отпекивать:
их бережок соберет
Для Диониса!
А он те камни дал
Близ Ферапонтова.
В посылку перетирал,
В цвета готовил...
И фресок свет-святых
С веками грозил
До нас дошел живой!
В волшебной расписи.
В. Багрцова

Азмонорпет

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

18

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошихонов, А. П. Смолин, М. А. Полётова,
М. А. Григорьев, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Перепечатка статей, стихов или их фрагментов только с разрешения редакции

Сдано в набор 6.06.2002. Подп. в печать 20.06.2002
Заказ №447

Вологда
2002

